

Все в мире говорят, что благородному мужу не пристало стоять у плиты. Будучи принцем, Цзи Ян, конечно, и сам не нуждался в том, чтобы готовить себе еду. Но он был большим ценителем вкусной пищи и, не интересуясь борьбой за трон, часто путешествовал по горам и рекам, уделяя особое внимание кулинарии. Много повидав и попробовав, он, естественно, научился готовить, хотя делал это крайне редко. До сих пор он готовил только для своей матери, преподнося ей блюдо собственного приготовления в день её рождения.

Молва об этом могла бы вызвать неодобрение, поэтому, кроме них двоих, о том знали лишь ближайšie служанки да евнухи.

Когда Цзи Ян оказался окружён несколькими женщинами-оборотнями и сам принялся готовить желе из личи «Улыбка наложницы» с лепестками роз, он и сам пребывал в некотором замешательстве. Неужели он в самом деле взял да и приготовил еду для этого маленького духа?!

Цзин съел одного сахарного дракончика и захотел ещё, торгуясь с Фанфэй: «Можно ещё одного!»

Фанфэй решительно покачала головой: «Нельзя!»

Цзин недовольно на неё посмотрел, а Фанфэй принялась его уговаривать: «Господин, вы же сотни лет не ели человеческой пищи, будьте осторожнее! Мало ли что, сестра Нун Юэ меня потом в обиду не даст».

«Я же твой господин! Ты должна меня слушаться!»

«Всё равно нельзя, на мне лежит великая ответственность — заботиться о вас!»

Цзин фыркнул и отступил. Он и его служанка были не только господином и слугой, но и семьёй. Зная, что она действует из лучших побуждений, он не стал проявлять свою власть, но всё же остался недоволен. Пока он пребывал в дурном настроении, Фанфэй откинула занавеску и, выглянув наружу, сказала: «Господин, господин Ян вернулся!»

«А?!» — Цзин снова приподнялся и, прильнув к окну кареты, увидел, как Цзи Ян выходит из ресторана.

Цзи Ян тут же встретился с ним взглядом. Цзин, вспомнив события прошлой ночи, смутился и уже собрался отпрянуть. Но не успел он этого сделать, как заметил у входа в ресторан толпу молодых девушек, одна из которых так и застыла, уставившись на Цзи Яна. Цзин забыл о своём намерении отвернуться, и на его губах мгновенно нарисовалась недовольная гримаска, пока он уставился на ту девушку, продолжавшую глазеть на Цзи Яна.

А Цзи Ян смотрел только на него и, смутно уловив, что тот снова расстроился, почувствовал лёгкое отчаяние. Почему он опять недоволен? Вместе с отчаянием в нём пробудилась и странная радость. Он подошёл к окну кареты, заслонив обзор Цзину, наклонился и спросил: «Почему ты снова расстроен?»

«Потому что на тебя смотрят другие!» — чуть не вырвалось у Цзина, но лицо Цзи Яна было слишком прекрасно, и он на мгновение забыл, что хотел сказать.

Цзи Ян продолжил: «Я видел, как ты купил сахарного человечка. Ну, где же он?» Может, разговор о чём-то приятном поднимет ему настроение?

Но Цзин тут же принялся жаловаться: «Я его съел! Хочу ещё, а Фанфэй не разрешает!»

Цзи Ян посмотрел на Фанфэй взглядом, спокойным, как обычно. Фанфэй снова почувствовала себя неловко. Этот человек и впрямь был странным — он умел заставить её нервничать. Не успела она опомниться, как Цзи Ян уже сказал: «Я тебе куплю».

Глаза Цзина загорелись, и Цзи Ян улыбнулся: «Сойдёшь с кареты, и мы купим вместе?»

Цзин засиял ещё ярче, ухватившись за край окна, но, подумав, всё же покачал головой.

Цзи Ян приподнял бровь, а Цзин, глядя на него снизу вверх, тихо сказал: «Я же дух. Рядом с ларьком много детей, подходить к ним слишком близко — плохо».

Такая осознанность и осторожность маленького духа вызвали в Цзи Яне ещё большее сочувствие.

«Какого дракончика ты хочешь?»

«Дракона! Я уже съел одного золотого дракона! Хочу ещё одного золотого!»

Цзи Ян усмехнулся, поддразнивая его: «Почему обязательно золотого? Чёрный дракон тоже красив и очень величественен».

«Золотой лучше! Самый красивый! Я хочу именно золотого!» — Цзин боялся, что ему купят чёрного, и снова подчеркнул: «Не хочу чёрного!»

«Ладно, ладно, не будем чёрного. Жди здесь». С этими словами Цзи Ян повернулся и направился к ларьку со сладостями. Фанфэй кипела от злости, но не осмелилась возразить, лишь мысленно обозвав его «нахалом». Цзи Ян, стоя у ларька, поговорил с пожилой женщиной, а затем обернулся к Цзину и улыбнулся. Цзин, положив подбородок на сложенные на краю окна руки, уставился на Цзи Яна, забыв обо всём на свете.

Пока Цзи Ян ждал, Фанфэй спросила одну из женщин-оборотней: «Что в коробке с едой?»

Оборотень ответила: «Это блюдо, которое господин приготовил для нашего господина».

«...» — Фанфэй замерла, подумав, что ослышалась. Цзин тоже отвёл взгляд от окна и посмотрел на коробку в руках служанки, и в его глазах читалось полное недоверие. Фанфэй протянула руку: «Дай посмотреть!»

Служанка передала коробку через окно кареты. Внутри кареты стояло множество цветущих персиковых ветвей, их тычинки источали мягкий свет. В этом мерцающем свете Фанфэй открыла крышку коробки. В красном деревянном ларце лежала фарфоровая чаша цвета цветущей яблони, наполненная розово-белым десертом, невероятно красивым на вид. И Цзин, и Фанфэй редко ели человеческую пищу, потому не знали, что это такое.

Они лишь видели, как это красиво. Фанфэй, будучи цветочным духом, сказала: «Господин, да это же лепестки! Но я не знаю, каких цветов».

Женщина-оборотень за окном тут же откликнулась: «Я слышала, как господин говорил, что это личи и лепестки роз!»

«Личи?» — Фанфэй не была начитанной и не была человеческим цветочным духом, потому не знала, что это такое.

Цзин же, будучи духом, начитавшимся романов, сразу вспомнил строку: «Один всадник в пыли, и наложница улыбается». Он взял маленькую фарфоровую чашу из коробки и пристально её разглядывал. Личи — это то, что император с великим трудом добывал для своей любимой! Невероятно драгоценная вещь!

Его учёный собственноручно приготовил для него блюдо из личи!

В книгах о женских духах такого не было никогда! Наоборот, там духи готовили для учёных. Цзин завидовал многим вещам в тех историях, но только не этому. Любовь любовью, но почему учёные ничего не делали, а духи должны были каждый день готовить для них? У них ведь были деньги, чтобы купить еду.

И вот, всего через день после свадьбы, его учёный не только не заставлял его готовить, но и сам приготовил для него!

Цзина переполняла благодарность, он готов был расплакаться.

Его выбор оказался верным!

Он не заплакал, но смотрел на прекрасное блюдо в чаше, не отрывая глаз.

Похоже, это было то, что в книгах называлось желе, — прозрачное и переливающееся, словно его собственные слёзы, с вкраплениями лепестков и кусочков личи. Он смотрел и смотрел на него и, наконец, не удержался, лизнул.

И его глаза снова загорелись.

«Господин?» — осторожно спросила Фанфэй.

«Кисло-сладкое!»

«Что?» — раздался голос Цзи Яна за окном. Цзин, не выпуская чашу, тут же взглянул наружу и увидел в его руках целый пучок сахарных фигурок — все драконы, все золотые! Целый пучок золотых дракончиков!

Цзи Ян, увидев, что он держит чашу, спросил: «Попробовал? Понравилось?»

Цзин, не выпуская чашу, уставился на золотых дракончиков в его руках, чуть ли не пуская слюни, и закивал: «Да! Очень понравилось!»

****Примечание автора:**** Наш девятый принц сам готовит для своего супруга! Какой замечательный муж!

Девятый принц наконец-то смог подняться в карету! Он наконец-то сел в одну карету с Цзином!

Цзин, сжимая в каждой руке по золотому дракончику, не знал, за которого приняться первым. Цзи Ян взял у Фанфэй маленькую чашу и спросил: «Может, сначала съешь это?»

Цзин кивнул, посмотрел на свои занятые руки, затем поднял глаза на Цзи Яна: «У меня нет свободных рук».

Цзи Ян взял маленькую золотую ложечку и поднёс её ко рту Цзина: «Попробуй».

Цзин, не задумываясь, взял кусочек в рот, и его глаза снова загорелись. Цзи Ян улыбнулся: «Вкусно?»

Цзин энергично кивнул, и Цзи Ян снова поднёс ложечку. Цзин снова проглотил кусочек. Девятый принц впервые в жизни кормил кого-то — или, точнее, кормил духа. Впервые, будь то человек или дух, он чувствовал себя довольно хорошо, особенно когда тот ел с таким удовольствием.

Цзи Ян, видя, как он торопится, сказал: «Не спеши».

«М-м-м», — кивнул Цзин, размахивая дракончиками и спрашивая Цзи Яна: «Какого дракончика мне съесть первым?»

«Какого захочешь, того и съешь первым», — сказал Цзи Ян, поднося ему третью ложку.

Цзин проглотил кусочек и, разговаривая с набитым ртом, пробормотал: «Самого любимого оставлю на потом!»

Бедняжка, такие простые вещи были для него настоящим сокровищем.

Цзи Ян наконец протянул руку и погладил Цзина по голове, с нежностью сказав: «Ешь спокойно. Когда мы доберёмся до места, я найму нескольких мастеров по изготовлению сахарных фигурок, чтобы они каждый день делали их для тебя».

«Правда?!» — Цзин широко раскрыл на него глаза.

«Конечно», — искренне пообещал Цзи Ян. Хотя они были разными — человек и дух, хотя причина их свадьбы была смехотворной, хотя он и не понимал, что такое любовь, они всё же поженились и стали мужем и женой. Позаботиться о своём маленьком духе он, как девятый принц, мог. К тому же этот дух спас ему жизнь, был таким наивным, милым и жалким, и для него это того стоило.

<http://bllate.org/book/15942/1425089>